

Ф.В. Гогенцоллерн

**Записки германского
кронпринца**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф.В. Гогенцоллерн
Ф11 Записки германского кронпринца / Ф.В. Гогенцоллерн – М.: Книга по Требованию, 2021. – 270 с.

ISBN 978-5-458-52420-9

В предисловии приводится не только характеристика самих воспоминаний кронпринца, сына кайзера Вильгельма II, но и целого ряда немецкой мемуарной литературы: *она принадлежит людям, которые вовсе не считают себя политическими *мертвецами*, а наоборот, надеются, что если не сегодняшний, то уж, конечно, завтрашний день будет принадлежать им...воспоминания...носят поэтому не *исторический* характер, а продиктованы скорее чисто практическими, можно даже сказать - агитационными соображениями*. Автор предисловия считает, что в момент написания мемуаров кронпринц все еще надеется на реставрацию империи, причем во главе не своим еще живым и деятельным отцом, а во главе именно с ним. Сам кронпринц писал эти мемуары, находясь в Голландии.

ISBN 978-5-458-52420-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

крупным и ярким кандидатом до сих пор несомненно является Вильгельм II. И вот мы видим, как кронпринц, сохраняя маску сыновней почтительности и даже любви, тем не менее дает убийственную характеристику своего папаша, как правителя и вообще политического деятеля.

Полная оторванность от действительной жизни, благодаря постоянно проводимой системе интимных советчиков и посредников, болезненная любовь к монархическому, почти к средневековому параду, самоуверенность, в которой было „больше шума, нежели чувства действительной силы“, наконец, самое главное, полное неумение ценить людей и целесообразно замещать ответственные, государственные посты—таковы отдельные черточки, приправленные весьма пряными анекдотами, которые в совокупности дают яркий образ.

Проделав эту отрицательную работу, кронпринц незаметными штришками, рассеянными по всей книге, набрасывает свой собственный портрет. Главными потребителями монархических настроений сейчас в Германии является бюргерство (мещанство) и юнкерство. И вот, сообразуясь с их психологией и запросами, мемуары рисуют кронпринца буквально в виде какого-то Цинцината, притом не на отдыхе, а в изгнании.

Прежде всего это прекрасный семьянин, который совсем просто, по-бюргерски-сентиментально любит своих детей, жену и мать. Даже для чужих детей на острове кронпринц устраивает елку, на которой поют старые немецкие песенки. Вместе с тем это настоящий труженик, добрый парень, Ein gutter Kerl: когда он был еще юношей, у него были друзья не только среди дворян, но и среди мещан и даже крестьян. Раз как-то он даже вспахал небольшой кусок пашни: „помню, как я бывал горд, когда мне удавалось провести прямую, правильную борозду“. Даже на острове кронпринц-простака занимается кузнечным ремеслом.

Однако, одних этих романтических подрисовок, разумеется, мало. Кронпринцу для укрепления своих монархических притязаний необходимо реабилитировать себя в старых грехах. Ведь и в Германии, да и во всей

Европе достаточно резко отпечатлелся его образ, как откровенного милитариста, грубого солдафона на прусско-юнкерский образец и, наконец, определенного реакционера. И вот кронпринц делает попытки разбить и это традиционное представление, не замечая всей каррикатурности тех передержек и комментариев, к которым он вынужден прибегать.

Его обвиняли, что он милитарист до мозга костей. Ничего подобного. Воспевая войну, он, как оказывается, лишь хотел уберечь немецкое юношество от „сгущающейся опасности грубого материализма“. Его упрекали в чрезмерном увлечении спортом. Но это происходило лишь от того, что он „считал культивирование спорта для себя, как для будущего главы государства, особенно важным, так как именно спорт способствует общению людей, разбивая все внешние сословные перегородки“. Наконец, кронпринца обвиняли, что даже во время войны он постоянно смеялся, даже в самых трагических условиях. Но, как оказывается, он и смеялся-то лишь для поддержания настроения среди измученных солдат, которые „благодарили за мою веселость и понимали меня“. „Умные головы и мудрые толкователи, что вы вообще знали обо мне?“ — патетически восклицает по этому поводу кронпринц.

Что касается до политической программы кронпринца, то и здесь, как оказывается, его враги ухитрились все напутать и извратить. Его обвиняли в реакционности, а он, наоборот, всегда был поклонником английского парламентаризма; его считали за типичного прусского юнкера, а он находил, что надо всячески считаться с социал-демократией и в пределах возможности „удовлетворять ее хозяйственные и политические требования“; наконец, резко расходясь со своим отцом, он, как оказывается, всегда стоял за федерализм, за широчайшую автономию государств, входящих в состав Германской империи.

Так перед нами складывается симпатичный образ претендента на престол, напоминающий даже чуточку принцев из сказок братьев Гримм или Андерсена и спо-

---

собный завоевать доверие всех слоев германского общества—и бюргерства, и юнкерства, и крестьянства, и даже... социал-демократии.

Что касается до целей этого монархического „мифотворчества“, то он отнюдь не желает оставлять нас в неизвестности. Солдатская косточка сказывается в нем, и он сам же спешит обнажить основную тенденцию своих мемуаров.

„Покою желаю я родине,—воскликает он патетически несколько раз,—т.-е. внутреннего мира, который даст ей возможность... снова оправиться и окрспнуть. И я сам хочу участвовать в этой работе во имя ее будущего величия. А между тем единственная услуга, которую я могу оказать сейчас своей родине,—это отойти в сторону и нести дальше бремя изгнания“.

Но пусть не подумает читатель, и в особенности читатель немецкий, что это „самоустранение“ представляется кронпринцу чем-то окончательным и неподлежащим изменению. Конечно, нет. Ведь кронпринц до сих пор сохранил глубочайшее убеждение, что „монархическое правление, стоящее выше партийных группировок, наиболее соответствует особым, внутренне-политическим столь разнообразным отношениям нашего отечества“.

Отсюда вытекает для кронпринца „социологическая“ уверенность в том, что как бы ни было плохо настоящее, но наступит час (и, быть может, он не далек), когда и он сможет приняться за „созидательную работу на родной почве“

„Вынужденный отказаться во имя общего блага от своих формальных прав, разве я теряю свое высшее свободное право откликнуться когда-нибудь на призыв, если он последует по воле большинства“. Теперь мы вполне понимаем, почему воспоминания кронпринца превратились в роман о кронпринце.

* *
*

В интересах монархического реванша для германских империалистов представляет первостепенную важность разрешить две проблемы. Прежде всего снять с себя

ответственность за войну и далее—осветить под нужным углом зрения историю отречения Вильгельма II от престола. И действительно, мы видим, что эти два вопроса составляют (конечно, не случайно) центр тяжести большинства указанных мемуаров.

Вильгельм¹⁾ посвящает ряд красноречивых страниц изложению своей „пацифистской“ политики, стремившейся избежать вооруженного столкновения путем любовного соглашения со всеми европейскими державами. Соображения, приводимые им, поражают с одной стороны, своим чисто материалистическим, „марксистским“ подходом и, с другой—чудовищной политической наивностью. Причина враждебного отношения Англии к Германии, с его точки зрения, совершенно ясна: она заключается в глубочайшем торговом, вообще экономическом антагонизме обеих стран. Но как же он думал преодолеть этот антагонизм? Как оказывается, он пытался базироваться на родственных связях с английской королевской фамилией, но все это оказалось бесполезным из-за противодействия со стороны Эдуарда VII: последний слишком поздно взшел на трон, и это в огромной степени усилило его честолюбие, направленное притом против Германии.

Одновременно Вильгельм пытается сблизиться с Францией. С этой целью он прибегает к таким реально-государственным шагам, как двукратное личное посещение экс-императрицы Евгении, произнесение тоста на банкете в честь французского генерала Бомпаль за французскую армию и т. д. И однако, с горечью констатирует Вильгельм, шовинисты-французы именно в этом тосте усмотрели не дружескую манифестацию, а грубую насмешку.

Попытки к сближению с Соединенными Штатами также не привели ни к чему, ибо, как здраво замечает Вильгельм, Вильсон руководствовался исключительно интересами финансовых групп. К тому же уже в 1897 году

¹⁾Mémoires de Guillaume II. (Journal des Débats. Октябрь, ноябрь 1922 г.).

между Англией и Америкой было под сурдинку заключено так называемое „The Gentlemen's Agreement“, знаменующее образование уже тогда англо-саксонского блока. Всего забавнее те страницы воспоминаний, где Вильгельм выставляет себя в качестве опекуна Николая II. побуждающего его ввести в России конституцию: „Я несколько раз советовал царю Николаю произвести либеральные реформы внутри империи и созвать так называемую Великую Думу, которая уже функционировала во времена Иоанна Грозного“ (!). Несколько далее Вильгельм, однако, довольно откровенно замечает, что делал он это попросту, стараясь удалить от германских границ опасность, проистекающую от русской революции. Переписка между Николаем II и Вильгельмом, опубликованная в наших исторических журналах, ярко доказывает, однако, что последний играл роль не елочного деда, приносящего России конституцию, а наоборот, защитника и пособника самой свирепой реакции.

Итак, в своих мемуарах Вильгельм живописует себя почти что в виде гения мира, протягивающего свои объятия, то одной, то другой артачащейся державе. Нечего и говорить, насколько это изображение не соответствует действительности. Было бы грубейшей ошибкой перелгать вину за возникновение мировой войны на одну лишь Германию. Документы архива министерства иностранных дел, опубликованные после октябрьского переворота, разоблачения Тардье во французской палате депутатов, сделанные на основании секретной переписки между Пуанкаре и Извольским, достаточно убедительно доказывают, что и царская Россия, и Франция Пуанкаре - la-Guerre только и ждали случая для объявления войны. Наконец, что касается до Англии, то кронпринц цитирует следующее замечательное место из книги английского адмирала Фишера: „Еще в 1908 году я предложил королю „to Copenhagen the German fleet“, что в переводе означает: „внезапно напасть во время мира на германский флот, как это некогда сделали англичане с датским флотом, стоявшим на Копенгагенском рейде“.

Война возникла из тех непримиримых конфликтов, в которые были с необходимостью втянуты все империалистические державы. Но, конечно, не Вильгельму II, этому апостолу пангерманизма, идеологу милитаристической Великой Германии, облекаться в тогу пасифизма.

Любопытно, что, находясь бок-о-бок в Голландии, сын не успел столкнуться с отцом в этом важном пункте. Кронпринц раздражается горькими lamentациями по поводу неумения германского правительства найти себе верных союзников (за исключением Австро-Венгрии) в Европе. „Я всюду находил подтверждения,— указывает он,— что наша родина во всем мире мало любима, а часто даже прямо ненавидима“. Объясняется это, по его мнению, главным образом, грандиозным экономическим под‘емом Германии, но в значительной степени и тем вызывающим, развязным тоном, который был ею усвоен во внешней политике. Именно поэтому к моменту мировой войны Германия оказалась изолированной, и это предредило ее судьбу, с первого же момента якобы предвиденную пронциательным кронпринцем.

Последний, конечно, не упускает случая и здесь выставить себя в благоприятном свете, в качестве противника той политической линии, которая систематически проводилась в Германии, в особенности в эпоху канцлерства Бетманн-Гольвега. Он, конечно, всегда стоял за соглашение с Англией, поддерживая персонально хорошие отношения со своим дядей, Эдуардом VII-м и т. д. Однако все его представления обыкновенно оставались безрезультатными. Вообще, по его убеждению, исключительно „невероятно слепое руководство нашей внешней политикой втянуло нас в мировую войну“.

В заключение любопытно отметить, что Вильгельм заканчивает главу о виновниках войны следующей красно-речивой репликой:

„Единственное решение может быть вынесено интернациональным и беспристрастным судом, который будет судить не изолированных лиц, а все действия, которые вызвали мировую войну“.

Такое судилище, как известно, уже имеется, и имя ему: революционный пролетариат.

* *
*

Центральным вопросом, который более всего привлекает наше внимание в мемуарах кронпринца и самого Вильгельма, является история отречения Вильгельма II от престола.

Напомним в двух-трех словах предшествующие события. После неудачи большого июльского наступления на Западном фронте, для высшего командования и для правительства Германии выяснилось, что они должны капитулировать. Последовательный выход из войны Болгарии и Турции еще более ухудшает положение. Под влиянием усиливающейся оппозиции изнутри Вильгельм II идет на уступки и отказывается от своих важнейших прерогатив. Образуется новое правительство принца Макса Баденского с участием социал-демократов Бауэра, Давида и др., которое вступает в переговоры о перемирии с Вильсоном. Последний, однако, требует от имени Антанты, как предварительного условия, низложения Гогенцоллернов, так как иначе она будет требовать „не мирных переговоров, а сдачи“. И вот в Спа, где находится ставка Вильгельма, происходит ряд глубоко драматических сцен: к сожалению, Вильгельм излагает очень сжато обстоятельства своего отречения, имея на это, как увидим ниже, очень веские основания.

В начале ноября новый рейхсканцлер посылает к нему министра внутренних дел, пока лишь „намекающего“ на необходимость отречения. Вильгельм в это время еще полон энергии и решимости бороться. „Я изложил министру,—пишет он,—тяжелые последствия, которые не преминет вызвать мое отречение, и запросил его, как он, прусский чиновник, мог совместить присягу, данную своему королю, с переданным мне ультиматумом. В конце концов я отказался отречься и объявил ему, что соберу свои войска и отправлюсь вместе с ними на помощь правительству для водворения порядка в стране“.

Однако, горизонт становился все более и более сумрачным. Революционное движение растет по всей Германии, и канцлер становился все более и более „нервным“. Он вторично требует отречения Вильгельма от престола под угрозой, что иначе улицы Берлина будут залиты кровью.

Вильгельм обращается за советом к высшему командованию и встречает ответ, что „армия не может более сражаться и требует прежде всего мира“.

„Я хотел избавить от гражданской войны мой народ. Как только выяснилось, что мое отречение было единственным способом избежать кровопролития, я согласился отречься от императорской короны, но не от короны прусского короля, так как я намеревался остаться среди своих войск в качестве такового. Ведь руководители армии заявили мне, что, если мое отречение будет полным, то офицеры уйдут массами, и армия, лишенная начальников,—как поток, откатится к Германии, причинит ей разрушения и создаст опасность отечеству“.

События, однако, не ждали: в Гамбурге, в Киле и, наконец, в Берлине вспыхивает открытая революция. Канцлер Макс Баденский создает *fait accompli* и объявляет о полном отречении Вильгельма и кронпринца. Вильгельм, однако, все еще продолжает упорствовать и лишь когда выяснилось, что „мирное возвращение в Германию с войсками“ стало невозможным из-за захвата революционерами мостов, он перебирается в Голландию.

Каков же был главный мотив, который заставил его отречься от германской короны? Таким мотивом, указывает он, было желание смягчить условия перемирия. Угроза гражданской войны явилась лишь вторым способом давления на него.

Итак, на основании воспоминаний Вильгельма мы получаем следующую отчетную картину: 1) армия все время оставалась в массе преданной ему, благодаря чему у него все время была свобода выбора; 2) главным мотивом к отречению послужило стремление смягчить усло-

---

вия перемирия и избежать гражданской войны, и 3) возвращение с войсками в Германию мыслилось им, как мирный отход на родину. Однако, если мы привлечем сюда другие мемуары, мы ясно увидим, что ни один из этих пунктов не соответствует действительному ходу событий.

Даже Гинденбург, несмотря на свой военный лаконизм и желание всячески затушевать течение событий, дает совершенно иную картину.

Армия разлагалась, принужден с отчаянием констатировать этот идеальный представитель Германии, скованной железом и кровью: поистине Троцкий не на ветер говорил в Брест-Литовске. Накануне отречения войска настолько уже разложились, что сам генерал квартир-мейстер Гренер лишь благодаря случайности не попал в руки революционеров.

Еще более яркую, уже совсем неприкрашенную картину дает кронпринц, оказывая медвежью услугу своему отцу. Картина разложения германской армии ярко напоминает наш фронт в 1917 году: уже весной и ранней осенью 1918 года „в больших этапных пунктах можно было видеть тысячи отставших от своих частей солдат-дезертиров и отпускных“. „Впрочем, и на фронте солдаты заражались—и это было самое страшное—пасифистским интернационалистическим настроением. Войсковым частям, храбро шедшим вперед, раздавались вслед возгласы: „штрейхбрехеры“ или „затягиватели войны“. Насмешки над офицерами, красные флаги на поездах—все это уже было характерными чертами фронта и ближайшего тыла.

Каковы же были действительные намерения Вильгельма в эти трагические для него дни, при наличии все усиливающегося революционного движения внутри Германии?

Что касается до кронпринца и примыкающих к нему ультра-реакционных юнкерских кругов, то их программа была, конечно, совершенно ясна. Кронпринц следующим образом обрисовывает ее: „диктатура, подавление всех революционных интриг, примерное наказание дезерти-

---

ров... высылка подозрительных иностранцев и многое другое". Но, пишет он, „предложение графа Шуленбурга и мое—поручить нам подавление революционных элементов в стране и восстановить в первую очередь в Кельне порядок—кайзер отклонил: он не желал войны немцев с немцами“.

Но так ли это было на самом деле? На это мы находим ответ на совещании фронтовых офицеров, устроенном в Спа 9/XI—1918 года, т.-е. в день отречения Вильгельма от имперской короны.

На этом совещании, облеченном, кстати сказать, глубочайшей тайной, представители высшего командования считали излишним скрывать свои истинные намерения. Фельдмаршал Гинденбург, открывший совещание, охарактеризовал положение следующим образом: „Для его величества вопрос заключается в том, может ли он во главе всей армии двинуться на Берлин и снова завладеть там короной германского кайзера и прусского короля“. В результате поименного голосования офицеры - фронтовики ответили отрицательно, после чего, собственно, участь Вильгельма и была предрешена. Как мы видим, все это значительно отличается от „мирного возвращения на родину“, которое живописует экс-император в своих мемуарах. Однако, и после этого Вильгельм колеблется и ищет опоры то у Гренера, то у Гинденбурга, то у кронпринца. Последний акт этой драмы Гогенцоллернов происходит в саду и прямо-таки с художественной силой изображен кронпринцем. Вильгельм убедился в безнадежности положения: „Император кивнул головой и потом постарался поймать своими глазами фельдмаршала, как будто он ждал от Гинденбурга поддержки и помощи в своей муке. Но он не нашел там ничего. Глубоко потрясенный, великий старик стоял молча, не находя выхода. Он не вмешался в судьбу своего короля и вождя, которому так долго и храбро служил в качестве солдата. Император был одинок“.

Но даже после этого Вильгельм пытается остаться в армии, уже в качестве прусского короля, и лишь